

Рецензируемая книга представляет веру ленинградского антрополога А. Г. Козинцева и является результатом многолетних исследований его в области палеоантропологии Южной Сибири. Она воссоздает одному из сложнейших этапов этнической истории этого региона — периоду тагарской культуры (VII—III вв. до н. э.). За последние полвека научный интерес к этой своеобразной культуре все больше возрастает, пути ее сложения продолжают оставаться предметом оживленной полемики¹. В этой связи выход в свет обобщающей работы об антропологическом составе и происхождении населения тагарской культуры представляется нам чрезвычайно важным и научно оправданным.

Исключительная продуманность структуры работы, тщательная последовательность изложения, рациональные подходы к методам статистических анализов и комплексное исследование проблемы придает монографии большую научную весомость. Работа насыщена богатейшими по своей информативности данными, что достигается широким привлечением археологической, антропологической, демографической, биометрической и другой литературы, изданной как у нас, так и за рубежом. Монография А. Г. Козинцева, на наш взгляд, в известной мере может считаться итоговой на современном этапе изучения и осмысления основных этногенетических и расогенетических процессов, происходивших в I тысячелетии до н. э. на территории Южной Сибири.

Книга состоит из четырех глав. Им предпослано небольшое предисловие автора и краткое, но весьма содержательное введение. В конце книги имеются обширная библиография, а также шесть приложений: индивидуальные и средние данные по изученным черепам, сведения о происхождении собранных палеоантропологических коллекций).

Во введении сжато и вместе с тем предельно четко описаны современное состояние археологического и антропологического изучения тагарской культуры. На основе широкого историкографического анализа литературы автору удалось изложить все основные узловые вопросы по истории этнокультурного развития племен Южной Сибири в I тысячелетии до н. э. Автор не просто констатирует многообразие исторических воззрений на сложение этнической общности тагарских племен, а умело их соотносит, как это видно из содержания всей книги: с фактическими данными, выявляя связи между ними.

Во введении также привлекает внимание описание принятых автором основных принципов статистической обработки суммарных показателей различия по комплексу краниометрических признаков. При изложении любых суммарных статистических оценок перед исследователями обычно возникают реальные теоретические и практические трудности. Естественно поэтому, что А. Г. Козинцев останавливается на основных проблемах применения суммарных признаков в исследовании антропологических материалов эпохи поздней бронзы и раннего железного века Южной Сибири.

Для понимания динамики развития расовых типов на данной территории автор правильно использовал отдельные локальные коллективы с учетом хронологической, географической, историко-культурной и других особенностей края.

А. Г. Козинцев отмечает важность проблемы оценки достоверности различий между показателями расхождения. Эта проблема, как правильно указывается в монографии, в статистическом аспекте очень сложна и еще далека от своего принципиального решения. Поэтому он предупреждает о том, что «в настоящей работе вопрос о надежности суммарных показателей различия оставлен открытым, так что к полученным результатам нужно подходить с осторожностью» (стр. 13).

А. Г. Козинцевым проделана большая вычислительная работа. В ряде случаев автор подошел к ней творчески, применяя отдельные биометрические приемы, пока не получившие еще широкого распространения в антропологии. Таковыми представляются различные способы оценки групповой изменчивости в дисперсионном анализе, модифицированный способ вычисления коэффициентов суммарного расхождения, анализ распределения этих коэффициентов и др. Все это значительно повышает научную ценность работы в целом.

В первой главе книги довольно подробно рассматриваются краниологические особенности насельников предтагарского времени как наиболее вероятных предков тагар-

¹ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. — «Материалы по этнографии», т. 3, вып. 2. Л., 1927; М. П. Грязнов. Тагарская культура — «История Сибири», т. I. Л., 1968; Н. Л. Членова. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири. — «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1961; ее же. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967; А. И. Мартынов. К вопросу о происхождении тагарской культуры. — «Известия лаборатории археологических исследований», в. 1. Кемерово, 1967; его же. Современные проблемы изучения тагарской культуры. — «Известия лаборатории археологических исследований», в. 2. Кемерово, 1970; Э. А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970; М. Д. Хлобыстина. Этнокультурные соответствия в древней истории Южной Сибири. — «Этногенез народов Северной Азии», в. 1. Новосибирск, 1969; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948; В. П. Алексеев. Антропологические данные о локальных различиях населения тагарской культуры: — «Первобытная археология Сибири». Л., 1975, и др.

ского населения. Для проверки этого предположения автор изучил сначала материалы по локальным коллективам, затем по суммарным группам, составленным главным образом из так называемых атипичных карасукских могильников. Как видно из сравнения серии черепов различных групп предтагарского времени, по важным в диагностическом отношении признакам многие из них обнаруживают тенденцию к обособленному положению в пределах материалов карасукского времени. В наибольшей степени это ощущается в суммарной серии из могильников атипичных карасукских групп. Для выявления этого автором удачно использованы два взаимодополняющих друг друга биометрических метода — сравнение дисперсий более 30 основных краниометрических признаков со стандартными коэффициентами и метод суммарных показателей Л. Пэнроза с дополнением Р. Нуссмана по 14 разграничительным признакам. В результате им получены наглядные статистические выкладки, которые раскрывают реальные антропологические взаимоотношения между населенниками предтагарского времени, с одной стороны, и носителями афанасьевской, классической карасукской и тагарской культур — с другой. На основании проведенного исследования А. Г. Козинцев завершает первую главу словами о том, что «в целом создатели культуры атипичного карасука занимают по антропологическим признакам промежуточное положение между собственно карасукцами и тагарцами, причем ближе к последним. Этот вывод носит предварительный характер, так как рассмотренная группа невелика... По всей видимости, физический тип носителей этой культурной традиции не был единым. Для выяснения вопроса необходим дополнительный материал» (стр. 28—29).

Глава вторая посвящена общей характеристике физических особенностей собственно тагарцев, а также определению их места среди антропологических типов сопредельных областей эпохи бронзы и раннего железа. Автор проделал большую скрупулезную работу по составлению (с учетом современных археологических датировок) уникальной краниологической коллекции по тагарцам. Как видно из табл. 9 (стр. 34—36), сюда вошло более 600 мужских и женских черепов. Ценность такой большой коллекции состоит в том, что сводится до минимума возможность случайных колебаний признаков. Автор изучил черепа по самой широкой антропологической программе, содержащей сотни краниометрических измерений, которые в свою очередь обработаны по ряду статистических параметров. Все это создает возможность разносторонней суммарной характеристики тагарской краниологической серии.

Согласно общей краниологической характеристике А. Г. Козинцева, тагарцы не обладают резко выраженной специализацией физического облика, сближаясь с андроновцами и карасукцами и отличаясь в этом отношении от остальных. Автором статистически подсчитана степень выраженности специфических черт насельников эпохи бронзы Минусинской котловины.

Уменьшение своеобразия локальных краниологических комплексов в течение неолита, бронзового и железного веков А. Г. Козинцев, как и другие авторы, правомерно связывает с усилением интенсивности метисационных процессов.

В этой же главе особое внимание привлекает подробное сопоставление южносибирской тагарской серии с обширными краниологическими сериями эпохи бронзы и раннего железа Сибири, Центральной и Средней Азии. При суммарном сравнении по комплексу признаков 25 регионально-территориальных групп автором выявлено, что ближе всего к тагарцам Минусинского края стоят тагарцы Кемеровской области, алтайские саки, афанасьевцы, андроновцы Казахстана и атипичные карасукцы. Согласно полученным статистическим показателям, наиболее далеки от тагарской группы окчевцы, классические карасукцы, саки Памира, жители верхнего Приобья и скифы Алтая. В остальных как мужских, так и женских группах в основном отмечена средняя степень сходства с тагарцами. Автором также раскрыты довольно интересные соотношения мужских групп тагарцев с другими группами. Так, по краниологическому комплексу признаков алтайские афанасьевцы к тагарцам ближе, чем минусинские. Что касается степени близости регионально-локальных андроновских групп по отношению к тагарской, то на первом месте находятся андроновцы Восточного Казахстана, затем следуют минусинские, за ними центральноказахстанские и североказахстанские андроновцы. На основании полученных цифр автор считает, что в сакскую эпоху, как и в андроновскую, восточноказахстанские насельники были ближе к тагарцам, чем население других районов Казахстана. Так же хорошо аргументирован вывод автора о том, что результаты суммарного антропологического сопоставления тагарцев с иными территориальными группами Минусинского края и соседних областей в общем не противоречат данным археологических исследований (стр. 38).

Автор не оставил без внимания и степень выраженности полового диморфизма. В антропологической практике, как известно, этому вопросу придается большое значение. Автор устанавливает характерный для тагарской серии средний стандартный коэффициент полового диморфизма (1,0542). Что касается проявления variability признаков, то вывод автора относительно усиления тенденции изменчивости мужской тагарской серии не вызывает возражений.

Весьма интересна третья глава книги, где рассматриваются основные различия между локальными коллективами тагарцев, связанными с временным и географическим факторами, а также с различиями в погребальном инвентаре (тип оружия). Анализ автор начинает с выявления соотношения меж- и внутригрупповой изменчивости в тагарской серии как наиболее важного и сложного биологического фактора. Автор проана-

лизовал несколько способов оценки меж- и внутригрупповой изменчивости и пришел к выводу об относительно слабой вариативности признаков тагарской серии в целом.

Не оставлен без внимания и уровень различий между морфологической изменчивостью мужских и женских групп тагарцев. По ряду краниометрических признаков автор получил конкретные статистические показатели о степени сходства или различия между ними. Однако вопрос о причинах несоответствий между мужскими и женскими группами остается в работе открытым.

Значительное место в главе отведено фактору изменчивости тагарской серии во времени. Правда, среди археологов нет еще единой периодизации тагарских памятников, однако автору удалось установить общетагарскую культуру по двум вариантам на два периода. На основании статистических расчетов тагарских серий по хронологическим этапам автор устанавливает реальные «эпохальные» изменения в физическом типе местных населения, соответствующие как в перестройке тагарского комплекса в целом, так и в формировании отдельных локальных особенностей.

Методика изучения тагарской археологической коллекции по территориальному принципу хорошо продумана. Весь материал распределен по шести географическим зонам. Шесть выделенных групп сопоставлены при помощи однофакторного дисперсионного анализа по 32 краниометрическим признакам. Такой статистический прием вполне оправдан для выявления закономерности в пространственном распределении краниологических признаков. В связи с территории Минусинской котловины географическая изменчивость тагарской серии выражена слабо. Поэтому автор правильно указывает, что ни Енисей с притоками, ни какие-либо другие естественные рубежи не представляли непреодолимых преград при заселении данного региона (стр. 49).

Отметим также, что А. Г. Козинцев изучил тагарскую серию с учетом различных типов вооружения в погребениях. Как известно, некоторые археологи предполагали, что в погребениях со стрелами были похоронены потомки андроновцев, а в погребениях с кинжалами и чеканами — потомки карасукцев и лугавцев. На основании сопоставления черепов из погребений с разным видом вооружения автор делает вывод, что ни сочетания краниологических признаков в обеих группах, ни направление различий между ними не согласуются с гипотезой об андроновском и карасукско-лугавском компонентах (стр. 51).

В последней, четвертой главе книги подведены итоги исследования антропологической структуры тагарского заселения на основе краниометрических признаков мужских серий черепов. Автор автором рассмотрел суммарные различия у 30 мужских групп и степень их связи между собой. Полученные выводы, хорошо иллюстрированные цифрами, таблицами и графиками, приближают исследователей к решению ряда проблем этногенеза древних племен Южной Сибири.

Очень интересен и вопрос о монголоидной примеси в антропологическом составе тагарцев. В целом автор правильно отмечает сложность инфильтрации монголоидных элементов в тагарскую среду.

Завершают книгу достаточно обоснованные и хорошо продуманные выводы автора об антропологическом составе и происхождении населения тагарской культуры.

В заключение особо следует подчеркнуть, что книга А. Г. Козинцева является, несомненно, фундаментальным исследованием по антропологии древних насельников Южной Сибири и вносит весомый вклад в палеоантропологию СССР.

О. Исмагулов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Eugeniusz Iwaniec. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII—XX w. («Prace Białostockiego towarzystwa naukowego», № 23). Warszawa, 1977, 295 s.

Изданное в 1977 г. в Варшаве в «Трудах Белостокского научного общества» фундаментальное исследование Е. Иванца посвящено разносторонней характеристике русского старообрядчества в Польше.

Исследованием было охвачено старообрядческое население районов Суwalkи и Мазуры; изучалась история старообрядческих районов на землях бывшей Речи Посполитой. Хронологически книга Е. Иванца включает всю историю польского старообрядчества от его возникновения до наших дней, к тому же в двух вводных главах рассматривается о возникновении раскола после реформы русской церкви в середине XVII в. и о появлении в конце XVII — начале XVIII в. основных направлений старообрядчества. Историческое исследование сочетается с детальнейшим этнографическим анализом как материальной, так и духовной культуры, наблюдениями над старообрядческим искусством. Из предисловия к книге следует, что изучение польскими учеными старообрядчества включает также систематические языковедческие наблюдения, хотя в рецензируемой монографии они почти не отражены.